

ЕВГЕНИЙ БОЧКАРЕВ ВОЛЬХА САДОВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ
ГЛАВЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Вольха Садовская

Сказания Гардарики.

Книга первая

«Автор»

2024

Садовская В.

Сказания Гардарики. Книга первая / В. Садовская — «Автор», 2024

Добро и зло ступали рука об руку с самого создания мира, непрерывно переплетая нити судьбы Яви и Нави. Одно никогда не могло существовать без другого. Веками и тысячелетиями поколения поочередно закрепляли союзы, устанавливали границы и правила соприкосновения Света и Тьмы, мира живого и мира мертвого. «Сказания Гардарики» повествуют о времени, когда легенды только слагались, и можно было повстречаться вживую с героями сказок и мифов: Кощеем, Бабой Ягой, Лешим, Змеем Горынычем... Приключения варяга Годуна Мстиславоча, нурмана Дьярви Трюггвисена и княжичей Земли русской захватывают воображение и не отпускают до самой развязки. Выживут ли воины в схватке с силами Тьмы, подскажет ли сердце верный выбор, чью сторону принять, а главное, смогут ли они, объединившись, спасти мир от неминуемой гибели? И какой мир это будет?

© Садовская В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Дикие степи	7
Глава 2. Полон	13
Глава 3. Детский	19
Часть 1 “Годумил”	26
Глава 1. Чужой Бог	26
Глава 2. Заколдованный лес	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вольха Садовская, Евгений Бочкарёв

Сказания Гардарики. Книга первая

Когда мы начинали придумывать и продумывать мир нашей игры, никакой книги у нас не было даже в планах.

Но, как это часто бывает, в ходе прописывания сценария, квестов и прочих элементов, мы поняли, что уже выходим за рамки чисто игрового ЛОРа, а наши персонажи начинают жить вне строчек документации и кода.

Кусочками этих историй мы начали делиться с вами, дорогие подписчики. Увидев, что вам нравится, мы решили – надо двигаться дальше этой неизведанной для нас тропой.

Спасибо вам за поддержку и мотивацию!

Наша группа в ВК

ПРОЛОГ

Влад стоял на коленях и прижимал к груди окровавленное тело маленькой девочки:

– Проснись, пожалуйста! – слезы стекали по щекам.

Казалось, Влад не слышал, как дружина воеводы Дебелта отбила крепость и расправилась с оставшимися греками. Прикладывая нагрудный крест к бледным губам дочери, он твердил снова и снова:

– Проснись, Василисочка! Проснись, доченька! Аааааа!

Дикий крик, полный боли, заставил всех сражающихся вздрогнуть и замереть. Оставшиеся греки бросили оружие и склонили головы. Дружинники быстро повязали сдавшихся в плен.

– Воевода! – десятник хотел было отрапортовать о победе, но тысяцкий жестом показал заткнуться и вывести всех из покоев жены Влада.

А тот продолжал игнорировать внешний мир, уговаривая проснуться свою Василисочку.

– В минуту великой скорби взываю к тебе, Отец мой! – Влад сидел, прижимая девочку к груди. – Помоги мне! Верни мне семью! Ты всемогущ. Прошу, верни мне хотя бы дочь!

Бессильные слезы уже не лились по грязным щекам мужа, и голос был лишен эмоций. Влад обвел взглядом комнату со сломанной кроватью, где, словно тряпичная кукла, лежал труп жены. Остекленевшие безжизненные глаза ее смотрели в потолок, руки были неестественно вывернуты и раскинуты в разные стороны. Вдруг Лизавета моргнула и взглянула на Влада.

– Бог не услышит тебя. Его здесь нет и не было никогда, – хрипло сорвалось с мертвых губ.

– Сатана? – Влад оцепенел, сжав свободной рукой крест. Голос его дрожал, но скорее от усталости, чем от страха.

– Так тоже меня называли. Имена разные, ветвистые – Сатана, Дьявол... Твои предки величали меня Чернобогом. Я верну тебе твоих детей и дам силу, которую никто и никогда не сможет больше забрать у тебя! – тело жены издало звук, похожий на смех.

Влад почувствовал жизнь на своих руках. Его маленькая дочурка громко выдохнула, и на щеках ее снова расцвел румянец.

– Ты же понимаешь, что ничего не дается просто так? Особенно такое, да?

– Что я должен сделать? – Влад не мог отвести взгляд от своей Василисочки.

– Только то, что у тебя хорошо получается, Влад. Воевать! – тело Лизаветы на мгновение замерло, и ее безжизненные глаза полыхнули угрозой. – В двух мирах...

Рука жены сделала странное движение, и часть комнаты потеряла цвет, а стены стали полупрозрачными. Влада уже ничего не удивляло. Воевода не сводил глаз с погибших и испуганных греков. Тела их казались призрачными. Все вокруг стало серым и мертвым. Влад больше почувствовал, чем увидел, как в руках у него появился меч. Одним прыжком он пересек комнату и оказался по ту сторону мира. Клинок, попав в умелые руки воина, засиял разноцветными всполохами, от которых маревые греки рассеивались туманом. У них не было ни единого шанса остановить оружие воеводы.

Развоплотив последнего духа, он остановился и осмотрел комнату. Серость отступила, вернув вместе с цветом и жизнь Василисе. Девочка сидела на полу и затуманенным взором смотрела на разбросанные игрушки. Но главное – она была жива.

Тело убитой жены исчезло. На его месте осталось лишь мутное серое марево, которое постепенно обрело объем и облик покойной Елизаветы.

– Теперь ты должен отомстить всем, моя любовь, – шептал голос мертвой жены, шелестящий и безэмоциональный. – Я всегда буду с тобой, куда ты служишь новому хозяину. Дети наши тоже. Ты всё сделал правильно, Влад. А теперь иди к своим людям. Не переживай, я присмотрю за Василисой, – тень стала темно-серой и плоской, стекла по кровати, потянувшись к тени Влада, сливаясь и подменяя ее собой.

Когда Влад вышел во двор, уже совсем стемнело, и на стенах подожгли факелы. Он скользнул отстраненным взглядом по телам греков, сваленным в кучу и обложенным соломой с ветошью. Тела защитников крепости воевода рассматривал дольше: семьдесят восемь человек, большинству из которых было едва за тринадцатую весну. Детские. Чуть поодаль лежали два тела – его сыновья. Кирилл выполнил просьбу отца – он неся в крепость, словно заяц. И успел ровно в тот момент, когда греческая стрела вошла ему между лопаток. Второй сын – Михаил; ему было всего восемь. Тело его нашли у дверей в женскую часть дома, в одной руке был нож, а в другой игрушечный щит с изображением селезня, пробитого стрелой. Это были подарки Влада в день, когда Михаил стал детским¹. Сцена сама всплыла в памяти Влада.

– Я стану самым сильным и большим воем и буду убивать всех врагов! Как ты, тятя!

– Это не совсем правильно, сын. Ты должен стать сильным воином – да. Но для того, чтобы защищать свой народ.

Воеводе казалось, что с того дня прошла целая жизнь, а не одно лето. Сыновья открыли глаза. Удивленное мальчишеское «Тятя?» заставило Влада вздрогнуть.

¹ «Детский» – так называли принятых на обучение в дружину. По сути «звание». – *Примеч. авт.*

Глава 1. Дикие степи

Воины стояли на стенах крепости и смотрели на живой поток из людей, скота и повозок, который словно река стекался из окрестных деревень к воротам города. Вдали виднелся черный дым пожарищ. Небольшой бревенчатый острог, спускавшийся к берегу Днепра, был для жителей пограничья последним шансом на спасение.

– Глупцы! Разве они не знают, что им не позволят взять скот на лодьи? – молодой розовощекий воин с едва проступающим пушком над верхней губой презрительно взглянул на людей. И тут же присел, получив затрещину.

– Глупец тут ты, Виги. Они не пытаются спасти скот, они пытаются оставить копченых без наживы, – ладожский князь Рулаф поправил рукавицу на ладони. – Большинство здешних людей видели смерть гораздо чаще, чем ты увидишь за всю свою жизнь. Это семьи воев, а не мужиков.

– Да какие ж это вои, тятя, если они свои дома на разграбление отдали? От их поселений дым, а они невредимые со скотом пришли прятаться за стенами, – Виги удивленно посмотрел на отца.

Князь чуть покраснел от злости и хотел было уже наградить нерадивого сына еще одной затрещиной, как его перебил сотник:

– Позволь мне, батька, – сотник положил руку на плечо варяжскому князю и своему старому другу. Тот кивнул.

– Виги, ты не прав. Да, их дома горят, но не печенег их сожгли. Люди сами спалили свое хозяйство, забрав скот и все, что смогли, чтобы оставить копченых без поживы. В Дикой степи все иначе, не как у нас дома. Внимательно присмотрись, видишь? В толпе одни старики, женщины и дети. Мужики остались палить дома и прикрывать отход своих семей. Тем самым они нам выиграют лишнюю ночь.

Виги покраснел, смутившись своих недавних мыслей. Теперь он видел не чернь напуганную, а семьи воинов.

– Князь! Конники! – с восточной части стены прибежал дружинник. – Десятка три-четыре, сложно сказать точно. Они с заводными едут!

– Разведка? Как думаешь, Мстислав? – князь озадаченно посмотрел на своего сотника.

– Вряд ли, слишком близко подошли и продолжают приближаться. Может, кто-то из наших?

– Возможно... – князь задумчиво пригладил усы.

Через четверть часа к крепости приблизилось три десятка всадников. Это были не печенег, но и не варяги – отряд хазарских лучников во главе с тарханом. Потрепанные и запыленные, конные воины начали проталкиваться сквозь поток беженцев, торопясь попасть за стены.

– Стоять! – громогласный приказ князя, казалось, заставил остановиться и время. – Куда претесь?

– Пропусти, рус, или пожалеешь, – тархан смотрел в глаза Рулафа с вызовом.

– Хазарин, тебе никак голова на плечах надоела? – не отвел взгляда князь. – Торопыгам у нас один привет – стрела в лоб. А теперь спешивайтесь. Зайдете в порядке прибытия.

– И каков же порядок? – зло шурясь, процедил хазарин.

– Вы войдете последними, – отрезал Рулаф.

Хазарин еще раз окинул взглядом воинов на стенах, по-прежнему натягивающих луки. Выдохнул, пытаясь взять себя в руки.

– Хорошо, рус. Будь по-твоему, но выслушай мою просьбу. Парсбит, подойди, – к нему приблизился шуплый воин, прижимающий к груди какой-то сверток. – Рус, прошу. Это мои дочь и внук. Пропусти их. Пропусти. После мы поможем против орды.

Приглядевшись, князь понял, что шуплый воин в сползающем на глаза шлеме и кольчуге явно с чужого плеча, – на самом деле девушка лет семнадцати. Она испуганно прижимала к себе младенца.

– Хорошо. Пусть проходят. Виги, проследи, чтобы им нашлось место на лодье.

– Спасибо, рус. Теперь мы дождемся своей очереди, а если нет, то можешь рассчитывать на нас! – тархан легонько кивнул, но Рулаф понимал вес этого кивка, который был надежнее, чем коленопреклонение многих бояр Севера.

– Я сейчас спущусь. Как тебя зовут, хазарин?

– Тархан Саркела Госта бар Кьябар. Можешь называть меня Гостята, князь.

Кто-то из дружинников удивленно присвистнул. Тархан с дружиной прошли практически через всю Дикую степь – от самого Дона к Днепру. Но почему сейчас? И именно к этому острогу? Всё это не давало покоя князю, и, кивнув Мстиславу, он направился к спуску со стены.

Спустя некоторое время Рулаф с ближниками вышел к Гостяте.

– Теперь рассказывай, что знаешь, – Рулаф протянул руку хазарину, предлагая спешиться. Тот, фыркнув, покосился на князя и прыгнул из седла напрямик на землю. Так могут только с детства сидящие на коне.

– Я бы хотел поговорить с глазу на глаз, – Гостята кивнул в сторону сотника, но Рулаф покачал головой.

– Я доверяю ему не меньше, чем себе. Если есть что сказать, говори прямо. И да. Можешь называть меня Рулафом Стимидовичем. А это мой сотник и побратим, Мстислав Труворович.

Мстислав, стоявший рядом, и бровью не повел. Он был наслышан о дерзости хазар. И то, что Саркела теперь принадлежал русам, никак не остудило их пыл. Тархан еще раз искоса посмотрел на сотника. Затем выдохнул и заговорил:

– Орда, князь, огромная орда, в пять-шесть тысяч луков гонит ваших людей сюда. Думается мне, они знают, что острог невелик, и хотят взять всех сразу. Они примерно в пол поприще пути отсюда. У нас не будет шансов уйти. Поэтому грузите своих людей и уходите, мы прикроем. Главное – сохраните жизнь моему внуку. Не дайте моему роду пресечься...

– Мы не уйдем! Все, кого ты видишь, – наши люди, и мой долг защи...

– Князь, он прав. Тебе надо уходить, – внезапно вмешался Мстислав, удивив и Гостяту, и Рулафа. – Я понимаю, что ты, как и любой воин, хочешь остаться здесь. Но и сын твой здесь. Ты можешь отправить отрока домой, но он не готов стать князем. Зная Виги, он вернется через год со всей дружиной в Дикие степи, чтобы отомстить за тебя.

Князь Ладожский Рулаф нахмурился, отчего борозды начинающихся морщин изрезали его лоб, а старый шрам на щеке покраснел. Он задумчиво посмотрел на людской поток, текущий к воротам, затем на причал, от которого лодьи без перерыва переправляли беженцев на противоположный берег Днепра.

– Хорошо. Я с малой дружиной переправлюсь на закате и пошлю гонцов Ярополку в Киев. Вы уходите утром следующего дня. Ты меня понял? – Рулаф грозно посмотрел на своего сотника.

Мстислав грустно ухмыльнулся и положил руку на плечо другу. В глазах сотника читалась твердая решимость биться до последнего вздоха, как тогда на Хортице. Но в этот раз он ослушается приказа своего князя.

– Позаботься о моей семье, Рулаф, – попросил Мстислав.

Лодья с князем и малой дружиной отчалила от берега в тот момент, когда горизонт затянула песчаная буря, поднятая копытами тысяч коней.

– Гостята, следующая лодья придет с рассветом, – Мстислав подошел к стоящему на стене хазарину. – Если выстоим, бери всех, кто будет способен грести, и уходите.

Хазарский тархан посмотрел на варяжского сотника так, как будто прикидывал в мыслях, свихнулся ли уже Мстислав или просто издевается.

– Ты сам-то веришь, что мы переживем эту ночь, рус? Или ты знаешь что-то, о чем не сказал нам?

– Нет, но я знаю, что ты не сказал нам все о себе, кудесник, – сотник приподнял рукав тархана. На предплечье был вытатуирован крылатый пес.

– Я боюсь, рус, мои чары не помогут нам. Могу заставить траву прорасти в засуху, могу не дать погибнуть дереву после удара молнии, но для боя это все бесполезно, – Гостята опустил рукав, – а вот про варягов я кое-что слышал.

– А сегодня еще и увидишь, – многозначительно кивнул Мстислав. – Только своим скажи, чтобы в спины не стреляли. И что бы ни случилось – не открывай ворота, мы будем встречать их вне города. С тобой я оставлю два десятка стрелков, и из ополчения еще сотня наберется.

Гостята посмотрел в сторону орды, чьи отряды разведки уже можно было разглядеть в свете заходящего солнца.

– Слабое утешение, рус. Почти две сотни луков против большой орды. Если бы они не были трусливыми шакалами и не останавливались, мы бы даже помолиться не успели.

– Теперь у тебя есть эта возможность. А также уйти в Ирий не одному.

– Я в Ирий не попаду, сотник. Мне предначертано иное... – Гостята загадочно и горько ухмыльнулся. – Но тебе это и не нужно знать.

– Ну, – варяг протянул руку, – тогда прощай, Госта бар Кьябар.

– Прощай, Мстислав Труворович, – хазарин крепко сжал предплечье сотника, резко подтащил к себе и обнял. – Спасибо, что спасли моего внука.

Ночное небо над степью заволокло тяжелыми тучами; пошел мелкий колючий дождь, пробивающий всю одежду до самого исподнего. Передовые отряды кочевников уже ставили шатры и сооружали загоны для коней, а остальная орда все подходила, и казалось, нет ей ни конца ни края. Никто из кочевников не заметил, как ворота крепости открылись, выпустив две дюжины закутанных в темные одежды фигур, которые быстро скрылись в подлеске. Настроение в лагере было отличное, и даже опустевшие поселения, попадающиеся на пути, его не портили. Все богатство пограничных земель спрятано здесь, за стенами этой маленькой крепости, а после падения заставы Орда двинется дальше на север по Днепру, разоряя эти плодородные земли. Подханок, которому отец поручил передовой отряд и первую атаку крепости, нетерпеливо ерзал в седле. Если он проявит себя и захватит все богатство, отец точно выделит его среди многочисленных братьев. А еще лучше завоевать крепость к приходу хана – тогда, возможно, отец посадит его по правую руку.

– Что у нас? Все готово? – подханок посмотрел на гонца. – Если да, начинайте.

– Слушаюсь, хан, – гонец развернул коня и рысью помчался обратно.

Спешить было некуда. К утру от крепости останутся только обугленные головешки, а все, что за ней, будет принадлежать орде хана Курея – самого могущественного в великой степи. Хана, который...

Конь подханка испуганно всхрапнул и попятился от расстилающегося неподалеку подлеска, нервно дергая ушами. Сын великого Курея повернулся, высматривая, что напугало его жеребца, и сам застыл от дикого ужаса: при свете молнии он увидел выбегающую на опушку стаю огромных волков. Подханок готов был поклясться всеми богами степей: взгляд у зверей был человеческим. И это был взгляд убийц. Душераздирающий вой вожака и вторящей ему стае превратился в раскат грома. Мстислав и дружина ворвались ураганом в передовой лагерь, сея смерть и панику. Перун ответил на зов – он их ждет.

Раскат грома воодушевил варягов, стоявших на стенах. Они тоже хотели оказаться там – в пылу пляски смерти. Но никто не рискнул послушаться приказа сотника. Вдруг небо озарили тысячи огней. Задние ряды печенегов решили пожертвовать своими родичами, спасти себя от серой смерти, носившейся перед ними. Гостиата застыл с гримасой ужаса на лице. Тысячи подожженных стрел дугой опускались туда, где находились Мстислав с дружиной. Стрелы впились в обезумевших лошадей, в шатры, в людей. И в огромных серых зверей.

– Им нужна помощь! Помогите же им! – тархан Саркела с красным от отчаяния и ужаса лицом кричал варягам, стоящим рядом.

Воины с мокрыми от слез и дождя лицами смотрели на него слегка отрешенными взглядами – глазами людей, которые уже знали, что умрут. Гостиата подбежал к десятнику – старому воину с чернотой на месте левого глаза – и начал орать на него, что им нужно... Нет! Они *должны* помочь отряду Мстислава. Десятник спокойно проговорил:

– Я не могу, хазарин. Прости. Это приказ Мстислава. Но если ты способен ему помочь, я приоткрою ворота на минуту и выпущу вас. Спаси его, спаси нас.

Хазарин прокричал что-то своим. К нему подвели жеребца. Меньше минуты потребовалось на то, чтобы у ворот собрался весь отряд хазарских воинов. Кони под ними похрапывали и переступали с ноги на ногу, всем видом показывая, что, как только всадник ослабит повод, они сорвутся с места. Одноглазый отворил ворота, и хазары пустили скакунов галопом. С вершины крепости было видно, как они выстроились клином и, не сбавляя темп, понеслись на стену огня.

К этому времени Мстислав лежал на груди, с торчащими из спины стрелами. Взгляд его цеплялся за умирающих вокруг собратьев. Успокаивала мысль о том, что ни один варяг не продал свою жизнь дешево. Оголенные части тела от близкого пожара покрывались мгновенно лопающимися пузырями. По земле прошла дрожь, которая заставила сотника подняться на колени и достать два клинка: прямой и чуть изогнутый, степной. С трудом повернув лицо в сторону предполагаемого прихода конницы печенегов, Мстислав замер. Топот доносился из-за спины. Первая мысль – «Глупая смерть! Они обошли меня!» – сменилась изумлением.

Через его голову перепрыгнул конь; во всаднике сотник узнал хазарского тархана. Тот остановился, пропуская свой отряд вперед, и грустно улыбнулся сотнику:

– Для меня было честью познакомиться с тобой, рус. Но теперь и мое время настало. Я не до конца был честен с тобой...

Гостиата вскинул руки в стороны, и языки пламени мгновенно потянулись к нему. Весь пожар устремился к хазарину, обнимая его. Тело Мстислава обожгло резким холодом ветра и дождя. Весь огонь сейчас был на тархане, будто он сам был из огня.

Гостиата развернулся и огненной стрелой устремился во главу своего отряда, который безуспешно осыпали стрелами печенеги. Когда тархан поравнялся со своими воинами, они разом вспыхнули так ярко, что на мгновение варяг ослеп, а, проморгавшись, увидел огромного огненного пса с ястребиными крыльями, что мчался сквозь печенежскую орду, оставляя за собой лишь черный прах. Стрелы кочевников впились в тело божества, превращаясь в угли практически мгновенно. Но каждая из них отнимала силы у зверя, и пламя постепенно угасало. Огромный крылатый пес остановился на холме. Из пасти его струилась кровь. Сейчас он больше напоминал странное животное из далеких южных земель, что похоже на ежа. Сотни обугленных стрел украшали бога-посланника. Радостное улюлюканье степняков, буквально мгновение назад отступавших, теперь приближалось. Пес повернул голову, посмотрел в сторону сотника. Затем, взмыв в небо, расправил огненные крылья, после чего ястребом обрушился на собравшихся противников.

На несколько мгновений Дикая степь озарилась белым светом, а затем раздался раскат грома такой силы, что уши воина не выдержали. Тонкая струйка крови потекла по мочкам, сме-

шиваясь с дождевой водой. Ночь снова стала абсолютно тихой и темной. Вода и холод больше не тревожили сотника. Он последний раз глубоко вздохнул и упал, так и не выронив мечей.

Тощий старик, скованный цепями по рукам и ногам, казалось, спал, опустив голову на грудь. От трупа его отличали судорожные подергивания закрытых глаз. Внезапно тело его начало покрываться волдырями, кандалы краснели, а потом белели. От нечеловеческой боли старик издал истошный вопль, заставив троих стражников вбежать в спрятанную в пещерах темницу. Пленник будто горел изнутри. Закончилось все так же быстро, как и началось, оставив лишь запах жженой плоти и волос в подтверждение реальности происходящего.

Старик открыл глаза. Зрачки были скрыты за бельмами, но он уверенно повернул голову к стражникам и словно впился в них взглядом:

– Еще один пал! Осталось двое. Молниерукий может долго скрываться, вначале я позабочусь о Маре. Когда она ошибется – меня уже ничто сдержать не сможет. Вы точно не хотите встать на нужную сторону? – почти неслышный шелестящий голос старика стократно усиливался эхом. – Пока я предлагаю по старой... кхе... дружбе. Старший брат ваш давно мертв, а значит, мертва и данная ему клятва.

Один из стражников отошел от братьев и почти вплотную приблизился к старику. Подвешенный на цепях пленник попытался съежиться. Страж оказался в четыре человеческих роста, ладонь его почти со старика. Он брезгливо окинул взглядом то, что осталось от когда-то здорового мужа.

– Ты думаешь, мы не помним, что было в прошлый раз? Из всего рода выжили лишь четверо. Мы и Святогор. Клятву мы дали не нашему брату, а всему существу! И смерть Святогора не отменит ее. Просто теперь у меня развязаны руки... – великан схватил ноги старика и с силой сжал их, покуда не побелели костяшки. – Брат всегда был слишком мягок. Особенно к тебе.

– Горыня, оставь его. Пойдем, – второй великан подошел к брату, все еще сжимавшему ноги пленника, и положил руку ему на плечо.

Горыня посмотрел на воющего от боли старика и разжал пальцы. Затем вытер руку о платок, будто прикоснулся к чему-то мерзкому и грязному.

Раздался хруст костей, и бывшие месивом ноги старика снова приобрели свои очертания.

Великаны вышли из темницы, оставив узника восстанавливаться в одиночестве. Когда стихли шаги, тень старика стала объемной, поднялась, отряхивая подол. Мертвая Лизавета стояла перед Владом. Лицо ее почти не выражало эмоций, но все же на нем читалась большая усталость.

– Не надоело играть в Кощея бессмертного? Сколько раз они тебе кости уже ломали? – тень заглянула пленнику в белесые пустые глаза.

Старик злобно зыркнул в ответ и сплюнул.

– Я и есть Кощей! Эта боль стоит того, чтобы ее терпеть! Навия. Пал Симаргл. Ты понимаешь, что это значит?

Тень промолчала.

– Боги теряют свою силу, Лизавета! – злоба начала разгораться в глазах Кощея.

– А нам-то что с этого? – казалось, она была удивлена.

– Не нам, а хозяину! Сегодня пал посланник богов. Теперь никто не заметит тебя, любовь моя.

– Он твой хозяин, а не мой, – тень фыркнула.

– Он стал моим хозяином, потому что я... – старик гневно повысил голос, но тут же успокоился. – Прости меня, Лизавета. Просто сделай то, что я прошу. Найди разбитую душу. Скоро мне пригодится новое тело. Если не ради меня, то ради наших детей.

Тень издала звук, который был похож на свист ветра от сквозняка, затем вытянулась в линию и исчезла под сводом пещеры.

Глава 2. Полон

Старый варяг сидел на завалинке и пытался здоровой рукой примотать что-то наподобие небольшого ухвата на культю, которой оканчивалось его предплечье. Он никак не мог справиться одной рукой, но просить о помощи у невестки или у челяди не позволяла гордость. Вдруг из дома выскочил мальчонка лет пяти и куда-то собрался бежать, но дед его окликнул.

– Годун, а ну-ка, подь сюда, помоги деду.

Недолго думая, Годун подлетел к старику.

– Деда, деда, скажи, а почему нас варягами кличут? – мальчонка забрался на колени кузнеца и придержал прихват у культи.

– Кхе, – старик посмотрел на приспособление на культе. Ухмыльнулся и погладил длинный ус. – Ну тут по-всякому, внучок. В мире много народов, и везде нас по-разному кличут. К примеру, ромей, те, которых Святослав победил, нас варангами называют. И нурманов тоже. Им все равно, что у нас разные боги и разная правда.

– А нурманы тоже варяги? – Годун удивленно поднял глаза на деда.

– И да, и нет. Для ромеев – да. У них варанг значит «северянин». А для нурманов – нет. Они считают, что наш род идет от волка Фенрира, заклятого врага Одина – их главного бога. Потому нурманы нас называют варгами.

– Это поэтому наша дружина, когда в бой идет, словно волки воет? – Годун явно собирался заваливать вопросами деда до самого конца света.

– А вот об этом тебе тятя расскажет, когда вернется, а пока ступай-ка да матери теперь подсоби, – дед посмотрел в сторону реки и неожиданно помрачнел. Сняв внука с колен, он встал и ушел в кузню. Через некоторое время оттуда начал разноситься звон металла, перекрывая другие звуки в округе.

Для незваных гостей это стало настоящим подарком судьбы. Они напали неожиданно. Дружина нурманов ворвалась на подворье с гогом и криком. Старый кузнец схватил раскаленную заготовку меча, отбил брошенный топор, а ухватом отразил удар второго воина. Холоп-помощник кинулся на помощь, но в ту же секунду лезвие меча одного из нурманов вошло в его грудь. Старик завыл волком и бросился в атаку, атакуя то ухватом, то раскаленной заготовкой. Нурманы на секунду опешили, явно не ожидая такой прыти от старика с увечьями. И это промедление стоило жизни их товарищу. Дед ухватом ударил точно в горло воина, кинувшего топор, а меч вонзил в разъявленный рот. Шипение металла и запах паленой плоти вывели нападающих из ступора. Молодой ярл бросил хогспьет в спину старика. Удар был так мощен, что кузнеца бросило вперед, на выставленный противником щит. Удар топора по затылку оборвал жизнь однорукого старика.

– Смелый муж, в Вальхаллу попадет, – нурман вытер топор о рубаху деда и улыбнулся, – наверное. Ульв, как считаешь?

– Я думаю, заготовку можно засчитать за полноценный меч, – хмыкнул Ульв.

– Батя!!! – над утренним подворьем разнесся женский крик. К кузне бежала девушка, отталкивая разбегающихся холопов. Ульв хищно ухмыльнулся и подмигнул своему соратнику:

– Смотри-ка, Скиди, а кузнец-то богаче, чем мы думали! – Ульв спрятал меч. Опасности не было: разве девушка могла быть противником воинам севера, слава о которых гремела по всему миру. – Старику копье железное, а тебе, краса, копье Фрейра. Не бойся, тебе понравится!

Остальные викинги разразились хохотом.

– Ярл, ты потом нам оставь, не проткни ее навывлет, как старика! – смех зазвучал еще громче. Ульв в пару прыжков преодолел расстояние от тела кузнеца до крыльца кузни и схватил девушку одной рукой, второй развязывая шнурок штанов.

– Давай, раздвигай ноги! А если будешь хорошо вилять, оставлю тебя себе. Хорошая тир всегда нужна.

Викинг уже почти повалил рыдающую девушку, как вдруг голое бедро ожгло острой болью. Ульв оглянулся. Из бедра торчал небольшой охотничий нож. Рядом со сжатыми добела кулаками стоял мальчишка.

– Беги, мамка! Беги! – тонкий мальчишеский голосок звучал твердо.

Ульв хотел было схватить малого за рубаху, но тот вцепился острыми зубами прямо в протянутую пятерню.

– Ах ты ж щенок! Бердвар, оттащи щенка на драккар и посади на цепь! Бешеная псина.

– Да это не псина, ярл, это какой-то лисенок. Я ему даже имя придумал – Хальфвард². Я себе его оставлю. Люблю боевых трэллов. Будет мне дом охранять вместо пса, а то нынешний уже стар. Да и за родича моего вирой будет. Никто не против?

Новая порция смеха огласила злосчастное утро. Нурманы отрицательно покачали головами. Годун попытался ударить державшего мать викинга, но крепкая затрещина растворила его мир во тьме.

Мальчик очнулся связанным на драккаре, в окружении холопов, которым не удалось сбежать. Годун услышал предсмертный женский крик и треск разгорающихся сена и дерева. Слезы наполнили его глаза; он сжал в маленьком кулачке оберег и начал молиться:

– Мара-богиня, я клянусь, что приведу этого убийцу и кину его к твоим ногам!

Оберег треснул, а произнесенная шепотом клятва из уст ребенка так сильно напугала холопов, что те поспешно отодвинулись подальше. Викинги запрыгнули на палубу с парой тюков, и драккар начал отплывать от берега. Мальчик, не моргая, смотрел на отдаляющийся горящий дом кузнеца на фоне мирного утреннего неба и шепотом повторял клятву. Тень Годуна, растянутая по палубе драккара, стала объемной и коснулась висков мальчика.

– Спи! – шуршащий, еле слышный голос тени мгновенно погрузил ребенка в сон.

– Греки высаживаются на берег, – запыхавшийся и обливающийся потом юноша подбежал к статному черноволосому мужчине. – Их неисчислимое войско. Я насчитал больше сотни кораблей. Отец, наших людей не хватит.

– Мы и не должны выжить, Кирилл. Задача нашей крепости – продержаться как можно дольше, чтобы остальные воеводы смогли подтянуть дружины в Преслав, – Влад горько ухмыльнулся и протянул поводья своего коня юноше. – Вы с братом отправитесь гонцами к Симеону. Скажи, что греки привели морем великое войско. Возьми мать и сестру. Из вещей только то, что поможет выжить, но не замедлит вас. Ты должен быть быстр, словно заяц. Не медли.

С этими словами мужчина ударил ладонью по крупу коня. Тот с места сорвался в галоп, унося юного гонца по направлению к дому.

Воевода посмотрел в сторону воды, где греки уже начали разбивать лагерь и выгружать животных. Смутное чувство беспокойства, словно червь, исподволь точило его. Симеон теснил на севере венгров, а он, Влад, успешно отбивал все нападения греков тут, на Востоке. Дебелт – хорошая крепость, но не против мощной армии.

«Откуда у греков такое огромное войско? Неужели они смогли заключить мир с арабами? Или смогли их одолеть? Нет. Вряд ли. Иначе бы эта новость разлетелась по всему миру».

– Влад! – громкий отклик вывел воеводу из раздумий. – Влад! Посмотри! – тысяцкий указывал на закат, туда, где находился замок. Из-за крон деревьев поднимался черный дым.

² «Половина защитника». – Примеч.авт.

– Они обошли нас! По коням! На Дебелт! Враг дома! – голос Влада, полный ужаса, пронёсся над лагерем его войска.

И воевода, не обращая внимания ни на кого, запрыгнул на первого попавшегося коня и со всей силы ударил пятками по бокам животного. Скакун взбрыкнул, но, почуяв властного наездника, понёсся во весь карьер по дороге к замку.

Резкая боль ожгла ребра Годуна. Сон ушел. Над ним стоял Ульв с тарелкой. Мальчик отвернулся, но запах рыбной похлебки проник в ноздри, и желудок заурчал:

– Так наш Хальфвард голоден, но строит из себя взрослого мужа? Похвально. Может, не трэллою сделаю тебя, а в хирд возьму. Когда норов укротишь, – ярл поставил миску рядом с Годуном и, отвернувшись, начал отдавать приказы хирду. Мальчик сел спиной к миске, но шелестящий голос снова прозвучал в голове.

– Ешь, тебе нужны силы, чтобы мстить. Если ты умрешь от голода, твоя семья останется неотомщенной! Ешь!

Не осознавая, что делает, Годун жадно припал губами к миске. Горячая жирная жидкость наполнила рот. Несмотря на то, что похлебка была пуста, она отлично утоляла голод. В считанные мгновения юный пленник осушил миску, и усталость снова разлилась по телу. Глаза сами закрылись, и, казалось, прошло всего одно мгновение, прежде чем мальчишка услышал крики.

– Впереди драккары русов!

– Одинова мошна! Под чьими парусами? – Ульв встал из-за весел и пошел к носу драккара.

– Рулаф Ладожский.

– Уберите мальчонку. Не нужно, чтобы конунг видел, что мы торговали железом на его земле.

Лодья Рулафа легко скользила по речной глади, весла были убраны, малая дружина варяжского князя возвращалась в Ладогу. Месяц минул с тех пор, как они вернулись из Диких степей. Здесь начинались новгородские земли, часть которых принадлежала варягам. Воины это чувствовали и вели себя расслабленно – брони были сняты, луки убраны, а оружие лежало в большом коробе рядом с кормчим.

Тяжелые думы терзали Рулафа: из трех лодей, которые отправлялись на призыв Великого князя, осталась одна. Кто-то обрел вечный покой в Степи, малая часть решила задержаться в киевской гриди. Среди варягов давно назревал раскол: многие поддерживали младшего Святославовича. Но были и те, кто принял сторону братоубийцы.

Рулаф же не поддерживал никого. Он не считал достойным Владимира, которого нурманы-побратимы называли Вольдемар, иначе бы он кинулся остановить вражду братьев. Он также не радел и за Ярополка, который свои амбиции ставил выше Правды. Но как бы боги ни рассудили, они были его родичами. И он не должен был выбирать между ними. А тех варягов, что встали на сторону Ярополка, он не имеет права останавливать. Кому нести службу – выбор каждого воина. Он понимал их. Уже год ходили слухи, что Владимир возвращается на Русь с большой дружиной нурманов, и многим это не нравилось. Особенно варягам.

– Впереди лодья нурманов, белым машут! – воскликнул впередсмотрящий, выводя князя из горестных дум. Вокруг раздавались приказы.

– Гридь, брони вздеть!

Дружина, как единый организм, облачилась в кольчуги и сняла с бортов щиты.

– Белый-то белый, но их Бог – Бог Лжи! – старший десятник Боян последнюю фразу сказал вполголоса, чтобы его смогли услышать только сам князь и княжич Виги.

– Добро, Боян, согласен с тобой, – проговорил Рулаф.

Вскоре корабли подошли на достаточное для переговоров расстояние.

– Кто такие? Откуда и куда идете? – сильный басовитый голос Ладожского князя прозвучал над водной гладью.

– В Хольмгард из Нидароса. Везем трэллов и оружие. Все законно, – вдруг нурман резко обернулся на возникшую возню и суету на драккаре. – Уберите щенка! Хель его побери! Лови сучоныша!

– Ложь, Князь! Тати они! – на борту появился малец с распухшим от побоев лицом. – Они моего деда и мамку убили!

В следующий момент паренька попытались схватить за волосы, но тот, увернувшись, прыгнул в ледяную воду. Один из викингов примерился было зацепить его гарпуном.

– Стоять! – рык Ладожского князя заставил вздрогнуть не только нурманов, но и варягов, начавших было натягивать тетивы на луках. В этот момент на поверхности воды появилась голова мальчика, отплывающего от драккара.

– Виги, помощи хлопцу, – вполголоса сказал Рулаф, а в полный голос прибавил: – Так вы говорите, на торг? Уж не железом ли вы холопов купили?

– Нет, ярл, мы честные купцы. Этот щенок шел вместе с бабой и дедом. Они слабые были, мы их уже в конце брали. Как померли, так мы их в море и скинули. А этот успокоиться не может уже неделю. Забирай его в знак дружбы, – нурман, красный от гнева, смотрел в спину плывущему мальцу. – Может, вы его усмирить сможете, у нас от него только хлопоты, а дорога дальняя.

– Не ярл я тебе, а князь Ладожский Рулаф.

– Мое почтение, конунг Рулаф, – Ульв поклонился. – Я наслышан о тебе и твоём отце. Мое имя Ульв Арнбьорнсон, по прозвищу...

– Мне плевать! – перебил нурмана князь. – Я не хочу знать имя того, кто будет кормить раков. Сначала поклянись именем Тора, что этот парень раб!

Ульв гневно посмотрел на Рулафа, но почти сразу вернул самообладание. Он не был ульфхеднаром или берсерком, а его потрепанный хирд вряд ли бы успел хоть что-то сделать: варягов насчитывалось три полных десятка, да две дюжины на румах. Не лучший момент, чтобы отправиться к Одину.

– Не думаю, что этот щенок рабыни достоин внимания Тора и остальных богов. У них явно есть дела поважнее. Но я не возьму слова обратно – он теперь ваш трэлл. Я очень надеюсь, конунг Рулаф, что когда-нибудь мы встретимся при иных обстоятельствах. И, возможно, ты захочешь нанять мой хирд, – доброжелательно произнес нурман и процедил почти шепотом, – а потом я заставлю тебя проглотить свой поганый язык.

– Хорошо, Ульв Арнбьорнсон, но до тех пор, пока у тебя не будет кого нанимать, я запрещаю тебе и твоим людям вести торговлю на моих землях! – с ухмылкой произнес князь, который умел читать по губам и отлично знал нурманский.

Тем временем парнишку уже втащили на лодью, вытряхнули из мокрого тряпья и растирали отрезом грубой шерсти, чтоб быстрее согрелся.

– Как зовут тебя, отрок?

– Годун, – шмыгнув носом, парень поднял гордые голубые глаза на князя. – Мстиславич. Мой тятя у князя сотником был. Да с похода не вернулся пока, – малец снова шмыгнул носом и разревелся. – Если бы он был дома, он бы спас мамку!

Виги ошеломленно переводил взгляд с мальчика на князя. Рулаф посмотрел на гордого варяжонка, достал кинжал и протянул рукоятью Годуну.

– Служи мне мечом так же, как твой отец служил мне. Я верю, что сам Перун устроил нам эту встречу! – сдавленным от неожиданности голосом произнес князь.

Годун по-детски удивленно захлопал глазами и, оторвав взгляд от кинжала, посмотрел на князя. Потом взял за рукоять двумя руками, перевернул и отдал кинжал обратно Рулафу.

– А где мой тятя? – Годун смотрел на князя. – Он придет?

Рулаф молча отвернулся и посмотрел куда-то на юг. Но вдруг Виги подхватил парнишку на руки. Сердце княжича рвалось на части.

– Я твой тятя. Я уже пришел.

Годун посмотрел на молодого мужчину с подозрением, но усталость, накопившаяся за эти дни, и осознание потери взяли верх, и мальчик опять разрыдался. Он обхватил шею княжича и хлюпающим голосом произнес:

– Ты нашелся, тятя. Почему ты так поздно?

Гнев на нурманов обуял Виги, и он уже собрался было отдать приказ, чтобы лоды его отца пустились в погоню за драккаром татей, но князь не позволил.

– Сейчас не время для мести, сын. Мы дали слово, что не подвергнем опасности наших гостей, – с этими словами он указал в сторону молодой девушки, кормящей младенца под натянутым куском ткани. Девушка что-то тихо напевала и, казалось, не обращала внимания на происходящее вокруг. Но вдруг она подняла голову и обратилась к Годуну:

– Ты устал, малыш? Иди к нам. Познакомишься с моим сыном.

Годун, все еще хлюпая носом, посмотрел на Виги, затем на Рулафа. Князь кивнул, и Виги поставил мальчика на палубу, подталкивая в сторону Парсбит. Годун никогда прежде не видел таких женщин, как эта: черные вьющиеся волосы заплетены в толстую косу, мешковатая одежда, из-под длинной юбки не видно даже обуви. А на груди висели странные обереги: один был похож не то на цветок, не то на ладонь, второй напоминал звезду с шестью углами.

– Нравятся? – голос женщины заставил посмотреть ей прямо в глаза.

Мальчик обомлел. Голубые глаза с желто-оранжевым цветком вокруг зрачка, казалось, принадлежали сказочному существу, а не живому человеку. Цветок радужки, словно живое пламя костра, двигался.

– А вы кто? – Годун забыл об усталости и печали, его охватила детская любознательность. – Волхва?

Девушка засмеялась тихим, но мелодичным смехом:

– Что ты, я обычная женщина. Меня зовут Парсбит, а тебя как?

– Я Годун. Ты очень красивая, Парсбит.

Девушка снова улыбнулась, и от этой улыбки на душе Годуна стало тепло и спокойно.

– А это кто? – маленький варяг указал на младенца.

– А это мой сын. Его зовут Бача. Мальчик, если по-вашему.

Годун нагнулся, чтобы разглядеть Бачу. Младенец посмотрел волшебными, как у матери, глазами и заулыбался новому знакомому, почти одновременно с этим обмочив покрывало, в которое был завернут.

– Он мне нравится. Можно я буду ему старшим братом? – Годун серьезно посмотрел на девушку, потом на стоявшего неподалеку Виги. – Я буду его защищать и обучать сражаться.

Варяжский княжич потрепал голову названного сына, подмигнул девушке и серьезно ответил:

– Ну только если старшим.

– Я тоже не против, Годун. Будь братом моему сыну! – голос девушки прозвучал одновременно и в ушах, и голове варяжонка. От этого голоса по телу мальчика пронеслись всполохи огня, вытесняя из нутра темное существо, напоминающее среднего размера ящерицу. Ящерица молниеносно спряталась в тени Рулафа. Годун поднял руку и попытался обратить на это внимание старших, но не успел. Мир пошатнулся, и мальчик провалился в беспамятство.

* * *

– Влад! Огнеспес не умер! Он переродился! – женская тень поднялась по стене и замерла напротив прикованного на цепи старика.

– Симаргл не Жар-птица. Если он умер, значит умер. Я сам это видел!

– Я тебе говорю, что переродился! – повысила было голос Лизавета.

– Эта хитрая псина могла оставить семя. Ты нашла новое тело? – согласился Кощей.

– И да, и нет, милый. Я нашла того, кто сможет освободить тебя. Но он еще слишком мал, – тень подумала про мальчонку, в душе которого начинало прорасти черное зерно.

– О, время! Это все, чего у меня в избытке. Ты должна сделать все, чтобы малец дожил до того возраста, когда он будет готов, – старик улыбнулся, оскалив обломки зубов.

– Там есть маленькая проблемка, – замялась собеседница. – Я не могу к нему прикоснуться!

– Не важно. Веди его снами, управляй его окружением. Позаботься, чтобы он был в безопасности до нужного момента!

Женская тень превратилась в змеиную и просочилась в щель между камнями. Когда она исчезла, старик безумно рассмеялся, и тут же из прохода вышел огромный воин, закатывая рукава.

– Ну, не обессудь, Кощей. Я тебя предупреждал.

Через мгновение из пещеры донесся хруст костей и нечеловеческие вопли боли.

Глава 3. Детский

Годун открыл глаза и осмотрелся. Он понял, что находится в покоех. Мальчик не сразу вспомнил, как попал в Ладугу, а определить, сколько времени провел в беспамятстве, не смог. Рядом с его кроватью слышалось тихое посапывание, и, повернув голову, малец увидел две колыбели. В одной он сразу же узнал маленького смуглого Бачу, а в другой мирно спал незнакомый ему розовощекий и голубоглазый малыш.

– Слава Элохиму, ты проснулся. Ох, и напугал ты нас, Годун, – голос был уставший, но оттого еще более участливый.

Парнишка перевел взгляд. У изголовья кровати сидела Парсбит, в руках она держала кувшин воды и лоскуты ткани для примочек. Девушка теперь выглядела по-иному: волосы все так же убраны, но теперь они лежали двумя косами на плечах. Не было пыли на лице, глаза по-прежнему сияли огнем. Но сейчас она казалась более уставшей, чем в их первую встречу на лодье.

Юная женщина улыбнулась и продолжила:

– Страшная стала, да? Не переживай, это от плохого сна. Мальчишки совсем неугомонные.

– А кто это? – Годун указал пальцем на розовощекого младенца.

– Это Ратибор, сын Рулафа. Твой родич.

– А почему он тут? Где его мама?

Девушка хотела что-то сказать, но осеклась и нервно затеребила кончик косы.

– Она умерла, да? – Годун с сочувствием посмотрел на малыша. – Как и моя мама. Я буду его охранять и заботиться о нем. И о Баче. Слово воина.

С этими словами юный варяг потянулся за ножом, который обычно висел сбоку на поясе. Не обнаружив его, Годун смущенно посмотрел на Парсбит.

– Ой... Теперь клятва не сработает?

– Ты очень смелый и добрый, Годун. Бог услышит твою клятву, даже если ты не сожмешь оружие. Слова должны быть на сердце, а не на клинке, тогда их сила нерушима, – девушка улыбнулась, преодолевая усталость. Она взяла со стола миску с остывшей кашей и протянула варяжонку.

– Ты еще не до конца окреп, нужно больше есть и набираться сил.

Годун хотел было отказаться, но в животе заурчало, и слюни сами собой наполнили рот. Парсбит уже собралась покормить мальчика как маленького, но тот перехватил ложку и быстро принялся опустошать миску. За этим занятием и застал его Виги. Тихо открыл он двери в опочивальню и оперся на откос.

– Ну наконец-то! Очнулся! Доедай и пойдем. Негоже мужу на женской половине дома находиться, если он не собирается лежать, – княжич подмигнул девушке, отчего та зарделась. Затем заговорщическим шепотом добавил: – Ты же не собираешься пропустить свой день посвящения?

– Посвящения? – Годун опустил ложку, и глаза его засияли.

– Ну а как же? Сегодня князь детских набирает, и ты в первых рядах.

Мальчишка радостно взвизгнул и с мольбой посмотрел на Парсбит.

– Можно? Мне уже лучше! Я уже набрался сил. Честно-честно!

Девушка, все еще с румянцем смущения на щеках, не сводила взгляда с молодого княжича.

– Конечно, можно. Одевайся и беги за батей.

Годун со всей детской серьезностью подошел к подготовке: красная рубаха и тканый пояс с ножом на нем. Шкура волка на плечи – бравый воин Годун готов!

– А портки где забыл? Или ты с голым задом на посвящении будешь? – Виги со смехом наблюдал за подготовкой названного сына.

Годун смутился и принялся натягивать шаровары, которые никак не хотели поддаваться. После очередной тщетной попытки он посмотрел на смеющихся взрослых.

– Вам бы все хиханьки. Нет бы помочь человеку. Эх вы.

Виги сложился пополам в приступе хохота, а Парсбит, приняв серьезный вид и заикаясь от смеха, обратилась к мальчику:

– Воин позволит мне помочь ему натянуть портки?

Дождавшись ответного кивка, девушка одной рукой приподняла мальчика под мышки и быстро натянула штаны, ловко подвязав их другой рукой.

– Благодарю, красна девица, – облаченный для посвящения будущий воин с абсолютно невозмутимым и серьезным видом поклонился своей помощнице, после чего посмотрел на княжича. – Я готов. Ведите.

Теперь уже была очередь Виги сдерживать смех и подыгрывать парнишке. Открыв дверь, он указал рукой на лестницу в конце коридора, дождался гордо прошагавшего мимо Годуна, повернулся к смеющейся девушке и подмигнул. Парсбит снова зарделась и отправила княжичу воздушный поцелуй.

Годун вышел во двор детинца, который был полон воинов всех возрастов: от детей, как и он сам, до седых синеусых варягов. Виги подтолкнул названного сына в сторону группы мальчишек лет пяти-семи, а сам направился к центру двора в сторону небольшого загона. Как оказалось, сегодня княжич должен был получить свой пояс и золотую гривну. Да, он участвовал в походах и даже водил десяток и сидел за столом старшей гриди. Но лишь потому что княжич, а не старший.

Виги облачился и прошелся взглядом по собравшимся. Встретившись глазами с Годуном, он подмигнул мальчику. В загон зашел взрослый воин, пяди на две выше княжича и с сединой на висках. Его Годун видел на лодье князя. Кажется, это был кормчий. Он кивнул княжичу, и оба повернулись к крыльцу, на котором уже стоял сам Рулаф:

– Бой до первой крови. Не калечьте друг друга, вам еще ворогов бить, – князь поднял руку и резко ее опустил. Воины разошлись по углам, надевая шлемы.

Кормчий выставил вперед щит. Виги же, напротив, опустил свой и чуть присел. Гуськом он двинулся на гридня, аккуратно уходя вбок. Кормчий, будучи опытным бойцом, сразу раскусил план княжича, так же аккуратно начал поворачиваться, направляя меч в сторону Виги. Расстояние между бойцами постепенно сокращалось до необходимого минимума.

Мощный удар щита о щит ознаменовал начало схватки. Виги нижним ударом устремил клинок в опорную ногу противника, но кормчий немыслимым для Годуна образом подпрыгнул. Пропустив оружие под ногой, он ступней уперся в щит Виги и сбил княжича. Молодой воин, получив направление, кувырком назад ушел от молодецкого удара мечом сверху. Снова небольшое затишье, и аккуратный танец двух воинов. В этот раз первый в атаку пошел кормчий. Поняв, что он может задавить молодого противника массой, опытный боец ринулся на таран, целя своим щитом в щит Виги. Княжич резко подался в сторону, пропуская тяжелого противника мимо, и подставил подножку. В развороте Виги ударил мечом в тыльную часть шлема пролетающего мимо кормчего. Получив дополнительное ускорение, воин приземлился зубами в кромку собственного щита.

Шумевшая толпа вмиг замолчала, наблюдая за лежащим кормчим. И радостно заулюлюкала, когда тот поднялся, сплевывая кровавую юшку. Воин открыл рот и пальцами достал обломок переднего зуба.

– Любо, князь! Вигислав достоин сидеть за нашим столом, – каждое его «с» сопровождалось присвистом.

– Любо! – возликовала старшая гридь.

Виги с радостью и гордостью посмотрел на отца. Но улыбка почти сразу сошла с лица княжича – князь сидел хмурый. Рулаф поднял руку, и воины притихли.

– Я перед боем дал два условия: до первой крови и без увечий. Десятник младшей гриди Вигислав Рулафович не выполнил оба.

Толпа удивленно загудела. А князь продолжил:

– Первая кровь появилась у него, когда он неудачно кувыркнулся и порезался своим же клинком, – Виги с изумлением взглянул на собственные ноги и обнаружил царапину, из которой тонкой струйкой сочилась красная жидкость.

– Второе условие он нарушил, выбив зуб княжескому старшему гридню и кормчему, за что следует уплатить виру в размере трех кун.

Виги побагровел и попытался что-то сказать, но бывший соперник положил ему руку на плечо.

– Молщи, сейщас он князь, а не тятя.

– Посему я не могу принять Вигислава в старшую гридь.

– Не любо, Рулаф, – неожиданно прозвучавший старческий голос в полной тишине заставил всех обернуться.

В дверях детинца стоял старик с длинными сизыми усами.

– Не любо, – повторил старик. – По Правде оно, конечно так, да не так. Тут надо учитывать мнение старшей гриди и самого кормчего. Как я вижу, у них нет возражений. Да и желания виру взимать с княжича – тоже. Так-то выходит, что тут правда за воинами и родичами, а не за княжеским словом.

– Ты как мой отец говоришь али как ведун Перунов? – Рулаф прищурил глаза. Только сейчас Вигислав увидел легкую ухмылку на губах князя.

– Как ведун, конечно. Как отец я бы тебя хворостинами по двору гонял, да возраст не тот. Неча моего внука стыдить при родичах.

– Ну, так тому и быть, если старшая гридь не против, и Свейн не хочет взимать виру...

– Не хошу, князь. С ним ф друщине я больсе с походов насобираю, щем с виры са суб.

– Ну раз так, то Вигислав Рулафович, подойди ко мне. Я тебе золотую гривну вручу.

Виги стоял с поникшей головой и не сразу понял, что произошло. Пока Свейн не подтолкнул его в сторону улыбающихся отца и деда.

– Любо! – князь надел на шею Виги золотой брусек на конопляной веревке.

– Любо! – все собравшиеся на дворе детинца, включая радостного Годуна, вторили князю.

Следующими выходили детские, которые пытались получить пояс отрока. Из тринадцати человек свои поединки выиграли лишь двое. Остальные проигрывали не потому, что были плохо подготовлены: напротив, слишком заученно выглядели их атаки. Более опытные подростки легко читали действия детей и с легкостью парировали выпады. Но двое парней удивили даже бывалых – один являлся то ли даном, то ли нурманом, представили его племянником какого-то ярла Трюгтви. Бой его был затянут и скучен. Противники, которые выбрали одинаковое оружие – щиты и топоры, долго ходили друг вокруг друга. Пока отроку это не надоело и он не напал на детского скандинава, за что поплатился и получил тренировочным топором аккуратно в ухо. После удара торопыга слегка окосел и шлепнулся лицом в песок, чем вызвал взрыв хохота зрителей.

Второй – варяг. Года на три старше Годуна. Маленький и шуплый на вид, он с легкостью управлялся двумя мечами. Точнее, мечом и саблей. Против него вышел большой розовощекий отрок с жиденькими усами. Если бы не шрам через всю щеку, его можно было бы принять за

детского, просто очень большого. Он улыбнулся, взял щит и копье и ринулся в атаку. Младший соперник мечом отразил выпад копья, а саблей ударил по жилам на незащищенных ногах грома. Жуткий крик отрока заставил старших гридней выбежать на поле поединка. Несмотря на то что оружие было учебным, малец смог покалечить розовошекого. Причем по опечаленным лицам старших гридней стало понятно, что парень уже никогда не будет полноценно передвигаться, ведь деревянная сабля пришлась в аккурат над пяткой, перерезав ножные жилы.

Победителя за ухо выводил из загона поджарый варяг с седыми длинными усами.

– Твой отец гордился бы тобой, но я не твой отец! Ты почто мальчика изувечил? А если он ходить не сможет?

– Тогда я буду заботиться о его роде и делиться добычей, – несмотря на то, что парень шел на носочках с запрокинутой набок головой, он казался абсолютно спокойным, – это ведь по Правде.

– Святополк! Отпусти братича³! – Виги пробивался сквозь толпу варягов. – Отпусти, говорю!

Седой варяг отпустил паренька. Ухо, за которое держал дядька-пестун⁴ своего подопечного, стало раза в два больше второго и цветом напоминало сливу.

– Виру требовать будешь, княже?

– Нет, наоборот. В отроки хочу взять. Да десятником над детскими сделать. Мало кто двумя мечами орудовать нынче способен. Станешь обучать и этого, – он вытянул из толпы детей Годуна, – и десяток, в который его зачислят.

– И чем этот малец от других отличается? – Святополк прищурился и оценивающе окинул взглядом мальчишку.

– Это сын Мстислава и мой названный сын. Прошу как друга, а не служивого.

Седой изменился в лице и помрачнел.

– Я жизнью обязан твоему тятю, малец. Пусть так. Мой братич будет учить тебя и приглядывать, – он повернулся к недавнему поединщику, – отвечать за него и этот десяток своей головой и не только перед князем, но и передо мной и всем родом. Понятно, Варяжко?

– Да понял я, понял, стыря⁵. Наказание принимаю.

Годун стоял и ждал своей очереди, выбирая оружие. За этим занятием он не заметил, как к нему подошли Виги со Святополком и худощавым бойцом:

– Что делаешь, малец?

– Думаю, с чем биться буду, – ответил мальчик, не переставая разглядывать деревянный меч. – Мне кажется, этот хороший, да?

Взрослые переглянулись с улыбкой, а худощавый парнишка ответил:

– Драться надо потом, когда из детских в отроки переходишь. В детские берут без испытания боем. Ты Годун?

Мальчик опустил меч и удивленно посмотрел на говорившего:

– Он самый. А ты, Варяжко, добротню отдал того борова.

– Не добротню, – вмешался седовласый. – Мы одна дружина. Мы должны прикрывать друг друга, а не калечить. Паренек теперь со службой, скорее всего, закончит и будет в поле коров пасти.

– Ой, – в глазах Годуна промелькнул ужас. – Он больше не будет воем?!

³ Племянник, сын брата.

⁴ Наставник, брат матери либо отца.

⁵ Старший брат отца, дядя.

– Я не хотел, – Варяжко покраснел и опустил глаза. – Ты сам меня учил, стыря. Если противник открылся, бей. Он открылся. Ноги из-за веса у него слабые. Вот я и ударил. Кто ж знал...

– Не кори себя. Просто теперича тебе за вас обоих службу нести. И половину от своей добычи ему отдавать. По Правде так будет, – Виги потрепал новоиспеченного отрока за чуб.

На площади прозвучал призыв подойти всем, кто хочет стать детскими, и Виги подтолкнул названного сына в спину:

– Давай, тебе пора.

Когда Годун вышел из толпы на площадку, усыпанную песком, он увидел группу детей. Пара дюжин мальчишек, смущенно переступая с ноги на ногу, стояла в ряд. Лишь четверо ребятшек сбились в кучку и немного обособленно. Среди них была девочка.

– Вам особое приглашение нужно? Встали в ряд! – Рулаф грозно посмотрел на четверку, и ребятки, потупив взгляд, заняли место в строю. – Хорошо, а теперь рассчитайтесь на первый-третий.

– Первак.

– Вторяк.

– Третьяк.

– Первак, – мальчик рядом с Годуном обозначил свой порядковый номер и повернул голову в сторону соседа.

– Вторяк, – Годун повторил процедуру, передав слово следующему.

– Третьяк.

Так продолжалось до тех пор, пока последний в ряду не озвучил свой номер.

– Перваки, шаг вперед. Вторяки, на месте. Третьяки, шаг назад, – голос князя был так же тверд, но судя по улыбкам старших варягов, эта процедура умиляла всех собравшихся. – Запомните всех, кого вы видите по левое и правое плечо. Теперь это ваша семья. Ваш десяток. Подойдите друг к другу.

Годун увидел, как к нему подходят несколько ребят и та самая девочка, которая стояла в обособленной четверке. Всего их десяток насчитывал восемь человек. И семь из них с интересом наблюдали за восьмой участницей:

– Как тебя зовут? – Годун заговорил первый.

– А почему ты решила, что можешь стать воином? – спросил второй мальчик, с желтой, словно солома, копной волос.

– Преда меня зовут, – девочка горделиво вздернула носик и повернулась ко второму. – А ты с чего взял, что сам воином станешь, мешок с соломой?

Мальчик покраснел и замахнулся, как тут же маленький кулак прилетел ему в грудь, заставив с громким оханьем плюхнуться на пятую точку. Он пытался выдохнуть, но получались только вдохи. Лицо его быстро побагровело, а на глазах проступили слезы.

– Предслава! – молодой мужской голос прозвучал резко и твердо.

Соломоволосый наконец смог выдохнуть и разрыдался. А девочка после обращения мужчины, видимо, отца, опустила голову, но в глазах читалось ликование.

Взрослый присел на корточки к рыдающему мальчику, чуть отодвинув Годуна:

– Не реви. Ты же воин, – и обратился к девочке: – Ты зачем его ударила?

– Он сам виноват, – Годун встал рядом с Предславой, обращаясь к мужчине. – Негоже на дев руки поднимать, даже если в шутку. Она поделом его огрела. Был бы расторопнее, пострадал бы меньше. Не за что ее бранить.

Отец девочки приподнял бровь и подмигнул дочери:

– Ты посмотри на этого смельчака. Незнамо, кто перед ним и за кого заступается, а на рожон лезет.

– А почто мне знать, кто ты, коли за Правду дочь свою ругаешь, а обидчика защищаешь?

Мужчина расхохотался и, поднимая соломоволосого, обратился к Годуну:

– Ты чей будешь, вой? Я хочу тебя в зятя, когда подрастешь, да только знать надобно род твой.

– Зачем в зятя? – мальчик потупил взгляд и смущенно покраснел, покосившись на улыбающуюся Преду.

Только сейчас он заметил, что вокруг них собралась толпа воинов и наблюдает за происходящим. Рулаф вышел вперед, также улыбаясь:

– Из моего рода он, Владимир. Подойдет такое родство?

Мужчина, просияв, поклонился князю:

– От такого рода только остолбень откажется.

Многие начали смеяться, включая Предславу, а Годун стоял, заливаясь румянцем:

– Чего это меня сватать решили? Я ж не знаю, кто ты. Вдруг мне твой род не подойдет.

Владимир и окружающие взорвались от хохота, а Предслава, улыбаясь, ткнула в плечо своего защитника:

– Мой тятя – Владимир Святославович, князь Новгородский. Подходит тебе такой род?

Годун побледнел и с ужасом посмотрел на Рулафа, а потом на смеющегося Владимира:

– Подходит, наверное. Но я еще не хочу жениться.

Лишь один мужчина не смеялся. Отец соломоволосого стоял, понунив голову:

– Княже, прости моего сына за невежество. Позволь, я его из десятка заберу и выпорю.

Владимир удивленно посмотрел на удрученного отца:

– Так не в моем десятке он, а у Рулафа. Ему судьбу своих воинов решать.

– Останется он, – Рулаф рассек рукой воздух, показав, что решение окончательное. – Дела десятка – это дела десятка. Тут должен десятник разбираться, а не княжеский совет.

Громкий вздох подходящего Варяжки заставил старых воинов вновь рассмеяться.

– Пойдемте. Я вас отведу в детинец. Будем знакомиться, – затем отрок повернулся к Преде: – А тебе отдельную комнату выделяют на женской половине. Будешь приходить в детинец по утрам, а почивать там.

На следующее утро, когда солнце еще только пробивалось сквозь кроны вековых деревьев, десяток Варяжки, где находился и Годун, уже собирался в общей зале и готовился к завтраку. Все детские едва не прыгали от радости – впервые они будут есть за единым столом с дружиной. Годун вошел в трапезную вторым и сразу начал взглядом искать Вигислава. Княжич стоял рядом с Владимиром и Рулафом, которые о чем-то спорили. Подойдя ближе, новоиспеченный детский услышал окончание спора старших:

– Я понимаю твою обиду, Владимир, – Рулаф положил руку на плечо родича. – И я признаю, что ты вправе взыскать виру за Олега. Но он – твой старший брат. Мое положение не позволяет мне вставать между вами. Вы – крови Святослава. Твое право на Новгород я поддерживаю. Но на Киев с тобой не пойду, уж не серчай.

– Ты всегда шел путем разума, сродник. Не серчаю я, но кручинюсь. Волю твою принимаю.

– А я – нет!

Оба князя повернулись на Виги.

– Можешь от меня окончательно отказаться, тятя. Мой меч и моя дружина пойдут с тобой.

Вигислав достал свой меч и повернул рукоятью в сторону Владимира.

Владимир посмотрел на Рулафа. Ладожский князь тяжело вздохнул, но кивнул.

– Коль воин хочет поменять дружину, князь не вправе ему мешать. Такова Правда.

Владимир взял меч и кивнул:

– Да будет так. Я принимаю тебя и твою дружину.

Рулаф не взглянул на сына, лишь сжал чуть сильнее плечо Владимира, после чего отвернулся и направился к своему столу.

Годун, наблюдавший за этим, не решался подойти. Виги сам приблизился к мальцу и потрепал за волосы:

– Ты все слышал, да?

– Мы уходим?

– Не все. Только я с Парсбит и парой человек. Ты останешься здесь.

– Но...

– Не время, Годун, – стоящий рядом Владимир перебил парнишку. – Набирайся сил и усердно учись. Обязательно возьму в свою дружину, когда подрастешь. А Вигислав придет к тебе еще не раз.

Князь снова улыбнулся, как будто ничего не произошло:

– Ну и кому я еще могу доверить важное задание по защите княжьей дочки? Справишься?

Мальчишка посмотрел на княжича, затем нашел взглядом сидящую на скамье с его десятком маленькую княжну.

– Справлюсь, княже.

Когда трапеза завершилась, дружина Владимира и все, кто к ней решил примкнуть, вышли из-за стола, поблагодарив князя Рулафа.

– Спасибо, родич, за прием теплый, но время не ждет, – князь Новгородский протянул руку хозяину дома. – Ты не передумал?

– Нет, Владимир. Это ваши семейные дела, хоть и аукнутся они всем нам, – Рулаф мрачно посмотрел на стоящего за спиной Владимира сына. – Негоже нам вмешиваться в ваши с братом дела. Даже если я понимаю и принимаю твое право на виру за родича. Я должен заботиться о своих людях и своем городе.

– Добро, Рулаф. Да будет так.

Через три четверти часа лодьи и драккары Владимирова войска отправились вниз по течению. С темного неба хлестал дождь. Острые, словно ежовые колючки, капли били в лицо маленького варяга, провожающего взором последнюю лодью. Сквозь дождь было почти не разобрать фигур, но он продолжал вглядываться туда, где должен был стоять Вигислав. А рядом наверняка замерла Парсбит с Бачой на руках и смотрела на причал. Его, Годуна, мама и папа должны были думать о нем, когда уходили. Сам того не желая, он заплакал.

Вдруг чья-то тяжелая ладонь легла на его плечо. Годун вздрогнул и поднял глаза. Рядом с ним на причале стоял князь Ладожский с Ратибором на руках. По щекам старика стекали струйки воды – то ли от дождя, то ли от тихих отеческих слез.

– Дай боги, свидимся, Виги. Дай боги, в этом мире.

Часть 1 “Годумил”

Глава 1. Чужой Бог

Зеленая стена леса начиналась от самой кромки воды. Вершины могучих вековых деревьев буквально пронзали хмурое серое небо, заставляя его проливаться мелким колючим дождем, от которого озерная гладь покрывалась зыбкой рябью.

Под навесом неспешно плывущей лоды спал воин. Глаза под закрытыми веками судорожно двигались, желваки напрягались, а костяшки сжатых кулаков побелели. Все выдавало беспокойный сон.

Годун посмотрел на протянутый слепой колдуньей металлический диск, отливающий серебром и украшенный по ободку затейливой вязью незнакомых символов. Никогда прежде такой диковинной штуковины видеть ему не приходилось, даже в Царьграде. Нет, ему попадались тарелки целиком из золота и отполированные так, что в них можно было любоваться как в зеркало. Но данная вещь явно предназначалась для иного.

– Это что? – Годун повертел диск в руке и поднял недоуменный взгляд на ведунью.

– Тарелка, – женщина пожала плечами с абсолютно невозмутимым видом.

– Вижу. Зачем она мне? Я попросил тебя показать того, кто стоит за всем этим. Где я могу его найти и как его убить. А это подобие блюда мне на что?

Ведьма усмехнулась, поставила тарелку на стол и положила на нее яблоко.

– А теперь смотри, Пушистый, – ведунья сделала несколько движений руками, и яблоко, словно живое, начало кататься по плоской поверхности. Через некоторое время отражения усатого воина, в ком Годун узнал себя, и слепой колдуньи начали размываться, вместо них возникло расплывчатое изображение, в котором проглядывались сводчатые стены каменного погреба. Годун видел такие у ромеев и болгар. Еще через несколько оборотов яблока из марева начали проявляться фигуры, а в голове Годун услышал все, что происходило в видении.

В тесном каменном подвале их было двое: крепкий муж с собранными в косу черными длинными волосами и седовласый короткостриженный некто – по кровавому месиву на месте лица понять, кто это, было трудно. Длинноволосый повернулся к бочке и, зачерпнув ледяную воду ковшом, жадно осушил его одним глотком.

– Монах, я понимаю, что ты готов принять мученическую смерть. И знаешь, это даже похвально. Не многие вои выдерживали подобные допросы. Но и вопрошающему грош цена, коли он пленника до смерти замордует. Допрос – это целое искусство! – короткий взмах шипованной перчатки, чавкающий звук разрываемой плоти и еле слышный стон узника. – Вначале нужно сломить волю человека. У каждого свои страхи: кто-то боится боли, кто-то смерти, – еще один удар, – они ломаются еще до начала допроса, отрекаются от рода, богов... Так, ты куда уходишь?

Черноволосый придержал голову пленника, безвольно свесившуюся на грудь, зачерпнул в ковш воды и плеснул в лицо, точнее, в то, что от него осталось. Мученик дернулся и снова застонал.

– Вот и славно, а то уйти посреди разговора – проявление высшей степени неуважения к говорящему, – мучитель оперся спиной о стену и снял перчатки. – Так, на чем ты меня перебил? – он наигранно нахмурился, делая вид, что пытается вспомнить, на чем остановился. –

Ах да, искусство допросов. Так вот, монах, ты не из этих. Ты не боишься смерти. Ты прям ее желаешь. Считаешь, что твой Бог примет тебя и усадит подле себя?

Слово «Бог» черноволосый прямо выплюнул.

– Думаешь, умерев в муках, обратишь Его внимание на себя? Твой Бог слеп, монах! – лицо истязателя исказилось от ярости. – Он оставил наш мир! Он ненавидит нас и приносит нам только страдания.

– Это не так, Влад... – еле слышный шепот монаха прозвучал необычайно спокойно для человека в его положении. – Ты не прав. Позволь, я...

– Не позволю! – Влад сорвался на крик, брызжа слюной. – Где Он был, когда они убивали мою жену? Где, я спрашиваю? А где Он был, когда надругались над моей дочерью, искалечив ее тело и разум? Где, монах?! В чем проявилась Его любовь?

Черноволосый с силой пнул монаха, который был привязан к стулу. От удара ножки надломились, и пленник повалился назад, стукнувшись головой о каменный пол. Череп хрустнул, словно спелый арбуз.

– Ну нет. Я тебя еще не отпускал! – Влад протянул вперед руку, и над телом появилось белесое туманное облако, в котором проступали очертания седовласого узника. – Твой Бог меня предал. И я познал другого, Настоящего! Он даровал мне силу, о которой, монах, тебе и твоему Богу только мечтать.

– Во что ты превратился, Влад? – дух монаха, скованный невидимыми нитями чар, печально взирал на черноволосого. – Ты отдал свою бессмертную душу за колдовскую силу. Ты предал нашего Бога. Ты кощун... мне жаль тебя. Ради сиюминутной силы ты отказался от величайшего дара.

– Сиюминутной?! – мужчина расхохотался. Его худощавое и изможденное лицо в неверном свете факела стало походить на обтянутый кожей череп, блики пламени плясали на гранях нагрудника, напоминавших ребра, лишь усиливая сходство со скелетом.

– Я бессмертный, монах. Новый Бог даровал мне бессмертие и силу. А душа всего лишь цепь, на которой твой Бог держит тебя, как пса. Но теперь твой Бог – я! – Влад вытащил из-за пояса короткий меч и рассек духа. Лезвие, проходя сквозь туман, казалось, впитывало его, светясь мертвенной зеленью. Влад вытер влагу с клинка рясой мертвого пленника и вышел из темницы.

– Уберите тело, – обронил он стражникам, стоявшим при входе в подземелье.

Годун никогда прежде не видел такого меча, как у этого Влада: рукоять в форме стоячего зайца с перекрестием в виде утки, расправившей крылья.

– И где это? – внутри Годуна все кипело от ненависти к длинноволосому извергу. Кем бы он ни был и насколько б ни был силен, варяг убьет колдуна.

– Это не «где», – ведьма задумчиво смотрела на свое отражение в тарелке, – это «когда». То, что мы сейчас видели, еще не наступило, а когда наступит, ты уже ничего не сможешь сделать. Почему-то тарелка решила, что это ответы на все твои вопросы.

– Где это? – повторил вопрос Годун.

Тело Годуна дернулось, разбудив его, вытащив из этого дурного сна. Все вокруг было тихо: та же река, та же лодья и та же дружина, к которой он примкнул в Новгороде. Никто не обращал на него внимания; дурной сон для воина – дело обычное. Призраки врагов и друзей, павших на твоих глазах, всегда с тобой. Варяг натянул накидку на плечи и вышел из-под навеса. Подставив лицо дождю, он наслаждался острыми каплями, которые падали на загорелое лицо и стекали по усам.

Странные сны, тревожащие Годуна с детства и прекратившиеся после принятия веры Единого, снова вернулись в прошлую седмицу. Вытерев капли дождя, катившиеся по бороде и усам, он взгляделся в проплывающий мимо берег. В этих краях вместе с его родными погибло и беззаботное детство, и он не бывал тут уже добрых два десятка лет. Сейчас, когда полудье подходило к концу, он понял, как же сильно скучал по родной земле. Далеко на Юге, на службе ромеев, и до этого, в дружине князя Ладожского, спасенный юноша избегал мыслей об убитых матушке, деде и отце, и в каждой битве пытался найти свою смерть, но Мара обходила его стороной. Уже четыре месяца, как он вернулся на родину, но до сих пор с наслаждением вдыхает здешний прохладный свежий воздух.

Лодья шла под попутным южным ветром по широкой глади озера. По подсчетам Годуна, с такой доброй погодой они должны были вернуться в Ладогу через четыре-пять дней.

– Годун, – тихий голос Ратибора отвлек варяга от любования проплывающими мимо берегами.

– Годун, – повторил младший сын Рулафа, – скоро причалим. Последнее селение осталось. Там и до дома рукой подать. А в Ладоге отец мой наверняка уже столы готовит. Не помню таких спокойных полудий, – молодой варяжский княжич довольно улыбнулся. – Давно я на гуляниях варяг не был. Успеем вернуться до Ильина, – и тут же поправился, – до Перунова дня?

Годун ухмыльнулся княжичу. Здесь, на севере, вера предков была сильнее, чем в киевских землях, где уже вовсю ставили ромейские храмы на месте старых капищ.

Вдруг в борт лодьи что-то ударило с глухим звуком. Тут же раздался второй удар.

– Щиты! – голос Ратибора, хоть и не дотягивал до отцовского и братьего басовитостью, прозвучал громко и уверенно. Дружинники вскинули щиты из-за спин и стали прикрывать товарищей на румах.

– К берегу!

Этот приказ княжича тоже был исполнен быстро, и лодья пошла к берегу. Весла вспенивали воду так, словно гребцы хотели сбить из нее масло, как из молока. Как только лодья повернула к берегу, обстрел прекратился. Должно быть, напавшие осознали ошибку и попытались скрыться в чаще. Едва лишь лодья коснулась илистого дна реки, варяги спрыгнули на берег, формируя стену из щитов. Кроме шума, издаваемого дружиной, и плеска воды, не было слышно ничего: птицы затихли, звери попрятались. Стоило Годуну чуть опустить щит, чтобы оглядеться, как в шлем с силой вонзилась стрела.

– Щиты не опускать! – Ратибор снова попытался изобразить бас, но юношеский голос предательски дал петуха на последнем слоге.

В кустах метрах в десяти кто-то засмеялся и тут же затих навеки. Мощный бросок сулицы пришил смешливого татя к земле. Из леса повыскакивали кряквы в шкурах, вооруженные охотничьими копьями и сетями. С дикими воем и свистом они кинулись на варягов, словно на угодившего в их ловушку медведя. Копьями старались попасть в брешь между щитами, а сетью попытались накрыть дружинников сверху. Хорошая тактика против крупного зверя, да не против двух дюжин опытных воинов. Как только лесовики с сетью подошли достаточно близко, чтобы мешать своим же копейщикам, верхний ряд щитов опустился и охотникам навстречу полетели сулицы. По две на каждого из троих «ловцов». Толстая шкура хорошо спасала от холодов и от костяных да деревянных охотничьих срезов, но была беззащитна против варяжского булата. Словно нож в масло, вошли стальные наконечники копий в тела бедолаг.

– Строй, шаг! – на этот раз голос княжича был тверд. И прикрытая щитами дружина пошла стеной на охотников.

Те, кинувшись вначале на дружинников, теперь в панике тыкали копьями в защитное построение варяг, пытаясь этим их остановить. Кто-то даже додумался ставить копьё в упор, как ограждают села. Но охотничье копьё – это не заточенное бревно. После пятой команды «шаг» охотники кинулись врассыпную, открыв свои спины варягам. Те же воспользовались

приглашением. Щиты опустились, и каждый из дружинников метнул по сулице в убегающих лесовиков.

– Русь! Вольный строй! – с каждым приказом голос княжича звучал все увереннее.

Вдруг лесовики остановились, побросали копья и луки и начали падать на колени, а самый старый из кирьялов вышел вперед, протягивая княжичу копье, которое держал поперек:

– Прости нас, князь! Не убивай! Обознались, – старик с акцентом заговорил с Ратибором, – мы думали, вы свеи.

Княжич посмотрел на своего сотника и Годуна:

– Что думаете? – взгляд Ратибора был суров и холоден.

– Думаю я, княже, они свое отхватили, нужно у них про свеев расспросить, забрать то, что нам причитается, да помочь убитых и раненых до поселения отнести. Виноваты-то они, сами не спорят, но это люди твоего отца. И твои тоже, – сотник Варяжко, с коим Годун был в детских, погладил усы и добавил: – Если мы их вырежем, кто в следующем году пушнину и солонину поставлять будет?

Годун кивком выразил согласие, и княжич, выслушав совет сотника, повернулся к кирьяльскому старейшине.

– Мы не держим на вас зла, и вы на нас не сердчайте. Кровь твоих родичей не станет нам раздором? – сын Рулафа прищурился и посмотрел пристально в лицо старому охотнику.

– Увы, княже, не на ваших руках кровь наших родичей. А на руках тех, кто вас со свеями спутал. Мы будем просить богов, чтобы они простили нам эту кровь.

– Не кручинься, старик. Это Темный попутал, – Годун попытался успокоить старика, но лишь напугал еще больше.

– Нету тут служителей Чернобога! – такая реакция насторожила практически всех варягов. – Нету! И не надо поминать его!

– Тише, старик, – Варяжко поднял руки ладонями кверху, – мой друг не это имел в виду. Он хотел сказать, что никто из людей не виноват в этом. Ни живые, ни мертвые. Поэтому успокойся. А еще лучше помогите раненых и мертвых на лодью погрузить, да одного провожатого на нее отрядите, а мы с вами пеше пойдем, вдруг и правда на свеев нарвемся.

Старик кивнул и крикнул что-то остальным на кирьяльском наречии. Охотники встали и принялись помогать покалеченным, перевязывая раны и аккуратно перенося на лодью.

Солнце уже начало клониться на запад, когда лодья с ранеными и мертвыми охотниками двинулась по реке, постепенно скрываясь за ветвями. Варяги выстроились по двое и пошли за провожатыми куда-то в чащу леса. По словам старейшины – впереди было полпоприща пути до селения, куда окрестные рода свозили дань. Годун шел рядом с княжичем.

– Успеем, – проговорил Ратибор.

– Что успеем? – Годун не понял, о чем заговорил вдруг молодой варяг.

– Ты спрашивал, успеем ли мы до Перунова дня воротиться. Так вот тебе ответ – успеем. В этом году хочу в танце поучаствовать, коли отец дозволит.

Варяги шли расслабленно: щиты они перевесили на спины, кто-то тихо пел похабную песенку. Годун ухмыльнулся, проходя мимо поющего воина, и тот сразу замолчал, потупив взгляд.

Примерно через час пути шедший впереди поднял руку со сжатым кулаком вверх. Все остановились. Ратибор и Годун прошли вперед, туда, где стояли недоуменные охотники и Варяжко.

– Батька, смотри... – дружинник показывал на насаженные на палки человеческие черепа, которые были воткнуты вдоль звериной тропы и постепенно терялись в лесу.

– Грiddy, строй!

Два коротких слова княжича – и варяги оказались в боевой готовности, двое натягивали тетивы на луки, остальные сомкнули строй вокруг князя, перекрывая его и лучников щитами.

– Варяжко и Первак, берите провожатых и идите на разведку.

Двое старших дружинников, кивнув, быстро вышли из строя. Крадучись, почти бесшумно они скрылись в начавшемся у дороги подлеске, куда за долю секунды до этого ушли охотники. Через час из кустов появился Варяжко вместе с провожатыми.

– Там дальше деревня пустая. Выглядит так, как будто хворь серьезная была зимой. Первак остался все проверить, сказал, к утру догонит.

Остаток дня по пути до поселения отряд не обронил ни слова. Когда дружина вышла к деревне, солнце уже почти скрылось за кронами деревьев и едва пробивалось сквозь листву, подсвечивая всю округу алым.

Еще на подходе варяги заметили, как местные жители поспешно закрывались в домах, как будто это уберегло бы их от крепкой стали и огня. Когда дружинники вошли в деревню, их приветствовал только звонкий лай собак, словно хотевших продемонстрировать друг другу свою отвагу. Самый смелый кобель попытался цапнуть за ногу одного из дружинников, но получил легкий пинок и с визгом отлетел. Больше смельчаков среди хвостатой братии не нашлось.

Лесовики-провожатые что-то прокричали, и местные жители все-таки показались из жилищ, испуганно и недоверчиво разглядывая варягов.

Вскоре дружина подошла к дому старосты. Старик был единственным, кто не прятался, более того – по нему было видно, что он безумно рад прибытию варягов. Старая охотничья куртка из оленьей шкуры мехом внутрь и штаны из такого же или того же самого зверя были украшены беличьими хвостами – старик явно нарядился перед приходом гостей:

– Хвала Велесу, что вы здесь! Мы уже и не чаяли вас живыми дожидаться... – староста, пытаясь изобразить поклон, замер на половине пути, ухватившись за поясницу. Затем он махнул охотникам, и те, все еще виновато смотря в сторону княжича, начали расходиться по домам. А некоторые, видимо не местные, объединились по группам и что-то принялись обсуждать.

– Вашими молитвами, – начал Ратибор, и тут взгляд его упал на небольшую суму, в которой было около полудюжины беличьих шкурок и около трех десятков вяленых зайцев. – Что стряслось, старче, год неурожайный али оскорбить решил? – глава варягов кивнул в сторону сиротливой кучки шкурок. – Оброк вы, как я погляжу, не подготовили. Надеюсь, причина уважительная.

– Соберем оброк, и даже сверх того заплатим, только выручи нас, княже! – староста с мольбой упал на землю и прижался лбом к ногам Ратибора. – Помогите нам!

Молодой воин оторопело смотрел на старика, не зная, как реагировать. Годун, стоявший рядом, пришел на выручку. Он легко поднял деда и усадил на пень, заменявший лавку.

– Подсобим, и сверх оброка с вас ничего не возьмем, мы ж не тати. Сказывай уже, отец, что у вас приключилось? Неужели swei разбойничали вас и оброк украли?

Староста посмотрел на Годуна, пытаясь понять, откуда тут взялся этот варяг, и, видимо, осознав, начал говорить.

– И да, и нет. Swei только три дня как объявились, одну деревню сожгли. А беда раньше приключилась. Слушай же. Началось все еще в том году, аккурат через месяц после прошлого полюдья. Вначале охотники из окрестных деревень стали в лесу пропадать. Думали, дело обычное, медведь-людоед завелся. Решили в несколько человек ходить. Да только не помогло это, так целыми ватагами и сгинули. А охотники опытные были. Потом пришел к нам гонец от волхва Велесова, дескать, должны мы прийти на родовое вече. Ну я взял с собой среднего сына, а старшего заместо себя старостой поставил, за деревней следить, да и пошел на вече, – взгляд старика снова затуманился и смотрел куда-то за спины варягов. – Погода была тогда...

– Не скоро сказка сказывается, да, дед? – Варяжко, который до этого стоял безмолвно и славился непоколебимым спокойствием, уже начал нетерпеливо притопывать сапогом.

– Да-да, то присказка была... – староста встрепенулся, некоторое время разглядывая варягов так, будто они снова появились из ниоткуда. – Я ж и говорю, погода была солнечная, а тут резко испортилась. Дошли мы, значит, до капища. А там волхв за жилы вздернут на дубе священном, Велесов образ расколот лежит на земле, а на его месте ведьма! – старик засунул руку за пазуху и достал небольшого, потемневшего от долгого ношения деревянного чурбаника, и начал потирать оберег большим пальцем. Он явно был смертельно напуган.

– Говорит по-нашенски, но плохо очень, видать, из ляхов. Что у нас делает – не знаю. И говорит она, значит: *«Нет больше на вашей земле Велеса, будет здесь править Чернобог, а я его волхва»*. Народ честной, что на вече пришел, знамо дело, спорить взялся: *«Как это так? Где это видано, Черному Богу служить? Да ни в жизнь!»* Сын мой, голова горячая, так и вовсе вышел вперед с луком и стрелу в нее нацелил. Да так замертво и упал, а тело его иссохло и потемнело, будто он от болезни скончался много лун назад! Ну испугались мы и согласились. Кормили Ведьму да все ей носили, лишь бы не гневалась да не сгубила. Все вас ждали, чтоб вы нас от напасти этой избавили. Ваш же бог – воин, а мы дети Велесовы, нам нет сил воевать с ведьмой.

Дружинники начали перешептываться. Чтобы пресечь нарастающий гомон, княжич поднял руку, приказывая варягам стихнуть. Несколько секунд все молчали, казалось, даже псы вняли призыву. Княжич теребил ус, переводя взгляд то на Годуна, то на Варяжка. Потом произнес, словно отдавал указания на поле брани, коротко и четко:

– Я понял, дед. Разберемся. Дружину разместить, – вновь посмотрел на своих родича и десятника, – а нам с вами потолковать надо.

Глава 2. Заколдованный лес

Варяги расположились в трех близстоящих домах, жильцы которых после короткого разговора со старостой любезно согласились переехать к соседям. Рассудив порядок ночных дежурств, дружина ушла спать. Годун растянулся на скамье и почти сразу провалился в сон.

Он видел все со стороны. Даже не так. Он видел все сразу отовсюду. Словно он был воздухом, незримым и вездесущим. Каменные стены, украшенные полотнами, каменные и резные вставки, чучела животных и деревянный трон. Это был именно трон, наподобие того, что есть у Василия Цареградского... И старик, восседающий на этом троне. Годун не встречал его прежде в жизни, но знал, кто это. Каждую ночь тот являлся ему то молодым, то старым, то счастливым, то воющим от безумия и тоски.

Влад сидел спокойно, и лишь легкая ухмылка коснулась его губ, когда бунтовщики ворвались вначале на его подворье, а затем и в палаты. Глупцы, за сто с лишним лет его правления они так ничему и не научились. Он даже не шевельнулся в тот момент, когда заговорщики схватили его и повалили на пол. Интересно, сколько голов их отцов, дедов и братьев сейчас украшали частокол вокруг его подворья? Его подхватили и выволокли за ворота. Солнечный свет вначале резанул старого колдуна по глазам. Но постепенно Влад привык к нему. Страх не было совершенно, только легкое любопытство. Толпа тащила его к сложенной вокруг столба гряде дров и хвороста. Никакой фантазии... Пятый или шестой костер на его памяти...

– Сжечь Кошуна! – молодой монах взял факел и подошел к столбу, к которому уже привязали Влада.

Тот улыбнулся еще шире.

– Жги, монах, – разразился истерическим хохотом.

Монах испуганно отшатнулся и кинул факел в обильно политые маслом солому и хворост. Пламя быстро занялось, клубами повалил черный дым, скрывший колдуна, продолжавшего смеяться.

Вдруг руку монаха что-то обожгло. Отвернув рукав, он увидел, как кожа на предплечье начала вспухать пузырями. Истошный вопль за спиной заставил служителя обернуться к толпе – люди падали и с воем катались по земле, кожа бедняг пузырилась и слезала клочьями, как от сильных ожогов.

Ошарашенный монах вскрикнул, когда и его лицо пронзила вспышка боли. Коснувшись пальцами щеки, он почувствовал, как перчатка прилипла к буквально плавящейся плоти. Из последних сил он бросил мутнеющий взгляд на костер, где в языках темного пламени стоял черноволосый муж средних лет и с нескрываемым удовольствием наблюдал, как наводняющий подворье люд плавился и сторал заживо в невидимом огне.

Годун вскочил на ноги в поту, ощупывая взмокшими ладонями свое лицо. Оно было холодным и немного липким. Воин осмотрелся. Дружина еще спала, а первые лучи солнца уже начали пробиваться через кроны высоких деревьев. Одевшись и подпоясавшись, варяг умылся ледяной водой из бочонка и вышел на подворье, где стояли два варяга.

– Все тихо? Первак вернулся?

Дозорные отрицательно покачали головами, и один добавил:

– Не нравится мне тут, ладно бы свеи, так ведьма эта... Да и люд тут странный, шарахается от нас, словно мы тати какие, а не вои.

– Не бурчи, Герд, – перебил его второй, явно более опытный варяг из дружины старшего брата. – Мы для них не лучше свеев, разве что не рубим и не жжем, да и то. Вчера мы ж их и порубали. Ты после этого ждал, что они нас хлебом с солью встречать будут? Ты лучше спать иди, мы с Годуном до подъема уж постоим, верно?

– Ты не привык еще к долгим походам. А я соскучился по ним. Хотя бы по рассказам. Иди, отсыпайся, – разрешил Годун.

Герд, розовощекий варяг, что был явно в отроках еще, с благодарностью кивнул и, зевнув, удалился в дом.

– Так о чем ты поговорить хотел, Лютый? – Годун с ухмылкой взглянул на дружинника. В ответ тот расплылся в широкой улыбке.

– Я хотел тишину послушать, а не нытьё молодого. Не сердчай.

– Все в порядке, брат.

Остаток дозора прошел в полной тишине, нарушаемой только пением ночных птиц и стрекотом прячущихся в траве сверчков.

Утром Первак не вернулся. К обеду тоже. Тела охотников, что его провожали, были найдены разорванными в лесу, там же обнаружилась серебряная гривна Первака.

Ратибор, после короткого совещания с Варяжком, выделил из дружины десятков тех, кто в лесу лучше ориентируется, и поделил на два отряда. Во главе одного отряда встал Варяжко, а во главу второго, куда входил Годун, встал сам княжич. Остальные дружинники остались в поселении, куда уже прибыли раненые и принесли тела убитых во вчерашней стычке. Когда духота пошла на спад, оба отряда выдвинулись на поиски товарища. Отряд Варяжки направился туда, где были найдены тела охотников и гривна Первака. Отряд Ратибора начал свои поиски с окрестностей оскверненного капища. Представшая перед глазами отряда картина заставила вздрогнуть даже бывалого Годуна, а молодого Герда и вовсе вывернуло: сладковато-приторный запах гниющего мяса проникал в ноздри с каждым вдохом, а между обугленных изваяний Велеса и Мокоши висела верхняя часть тела – все, что осталось от волхва. Внизу, у подножья столбов-чуров, валялись окровавленные обрывки одежды. Мясо, должно быть, давно разорвали и съели лисы и другие падальщики. На окраине поляны лежало тело иссушенного мужчины.

– Тот, кто это сделал, не человек, – Герд все еще стоял на четвереньках и пытался сдерживать судорожные позывы, – это не должно быть человеком!

Очередной приступ скрутил отрока, и он замолчал. Ратибор и остальные дружинники подхватили горе-ратника под руки и отнесли подальше, а Годун и провожатый охотник остались оглядеться. Варяг начал с осмотра лежащего на земле мертвого мужчины. Старая накидка из вывернутой шкуры медведя и несколько обугленных оберегов на шее выдавали в нем сына старосты, который поплатился за свою наглость перечить ведьме. Годун попытался оголеть грудь трупа, чтобы увидеть рану, как вдруг тело убитого рассыпалось пеплом. Непроизвольно варяг перекрестился.

– Чур меня, – он поправил крестик и другие обереги на груди и обратился к охотнику: – Помоги снять волхва, не должно ему так висеть.

Местный муж чуть замешкался, то ли пытался понять, что хочет от него вой, то ли вспоминал, не запрещала ли ведьма трогать висящее тело. Но увидя, что Годун начал отвязывать путы, на которых висело тело, он подбежал с другой стороны и принялся помогать. Путы были похожи на ветви ивы, гибкие, но значительно толще и прочнее. Попытки разрезать их засажником не увенчались успехом, и варяг решил разрубить их.

– Други, хватит сидеть увальнем, помогите лучше, – окликнул он Ратибора и дружинников, – да захватите топоры. Волхва снимать буду.

Княжич оставил одного дружинника присматривать за Гердом, а сам, взяв топоры, пошел на выручку к родичу. Его помощник сообразил, что собирается делать Годун, достал свой топорик и принялся стучать по путам со своей стороны. Но после второго удара по ветви та вдруг сама отпустила руку мертвого волхва и обвила охотника. Дикий вой боли и ужаса заставил обернуться всех дружинников. Ветка изогнулась, словно живая огромная змея, и ударила мужчину оземь. Хруст ломаемых костей, и безумный крик резко оборвался. Колдовские путы

начали затаскивать обмякшее тело в густые кусты. Недолго думая, Годун и Ратибор кинулись в заросли бурелома, пытаясь угнаться за ожившей ветвью и бездыханным охотником. Следом за ними кинулись и остальные ратники, включая Герда. Пробираясь сквозь бурелом, друзья потеряли друг друга из виду. О том, что товарищи были неподалеку, свидетельствовали лишь треск веток и тихая ругань, то и дело доносившиеся то с одной, то с другой стороны. Выйдя из чащи, Годун напрягся: он перестал слышать товарищей, которые находились в паре шагов за ним. Обернувшись, воин увидел растрепанный и помятый куст, из которого только что выбрался. И всё.

Бурелом исчез, остались только плотно стоящие деревья. В остальном лес как лес: поют птицы, где-то журчит ручей. И никаких звуков, выдававших присутствие других людей. Воин нырнул обратно в куст, из которого вылез. Ничего не поменялось: он был один.

– Бесовщина! – Годун машинально полез за пазуху, доставая оберег.

– Сам ты бесовщина. Забрался, значит, в гости, еще и обзывается! – голос скрипучий, словно трение старых веток друг о друга, прозвучал над головой. – Чего приперся, значит?

Годун, не раздумывая ни секунды, выхватил меч и сделал короткий сильный выпад, целясь на звук. Меч ударился обо что-то твердое, а мгновением позже на шлем героя опустился мощный удар, словно бы дубины. Свет померк перед глазами, и воин провалился в беспамятство.

Теперь он смотрел на мир с высоты птичьего полета. Земля казалась маленькой, а люди – сушие муравьи. Он видел, как две армии встали друг напротив друга, но не мог разглядеть деталей. Тело было невесомым, Годун двинулся вперед и оказался среди воинов. Оглядевшись, он узнал Его. Влад был моложе, чем в темнице. Он стоял на холме перед войском, среди которого находился Годун. Глаза колдуна чернели.

– Крест побеждает! – возглас командира прозвучал над тяжелой конницей, и сотни голосов поддержали его. Кони начали разгоняться. Сначала шагом, потом трусцой, и вот они уже несутся галопом на одиноко стоящего воина с черными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.